

- ⁴⁴ Ср.: сын его *Тимуй*; *Микуй Симонов* и др. (Переписная окладная книга, 311, 333), *Алуй*, *Гадуй* и др.
- ⁴⁵ Во многих случаях (тип на *Лауе*) различение *-уй* и *-уя* затруднено.
- ⁴⁶ Ср. *Палуя*, *Лелуя*, *Маруя*, *Кипуя*, *Кильмуя*, *Кивея* при *Кукуй*, *Сорзуй*, см. Административно-территориальное деление, s. v.
- ⁴⁷ Е. А. Хелимский, которому автор этой статьи глубоко признателен за консультацию по истолкованию финноязычных фактов, предлагает рассмотреть возможность объяснения *Сандуй* в связи с производными от прафинск. **sa-* (финск. *saada* 'получать'); ср. карел. *šuanata*, *šoanda*, олон. *voandu*, *suandu* 'получение, добыча' и т. п.; финск. *saanla*, *saanti*, *saanto*; людик. *suand*, *suond*; венг. *sand*, *sandus* и т. п.
- ⁴⁸ Можно высказать предположение, что исходной формой могло быть швед. диал. *Sand-ey(öy)* с сохранившимся дифтонгом. Во всяком случае, несмотря на прошедшую еще в X—XII вв. монофтонгизацию древних дифтонгов, они до сих пор сохраняются в некоторых говорах сев. и вост. Швеции, на Готланде и (что, может быть, особенно показательно) в шведских говорах Финляндии (ср. также норв. *øy* и т. п. при др.-нсл. *ey*). См.: *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953, 132. Если это предположение верно, то *Сандуй* почти идеально точно отражает швед. диал. *Sand-ey(öy)* и/или промежуточную финноязычную форму (ср., кстати, финск. *o*, заимств.). Для понимания формирования острова Сандуя, возможно, могут быть использованы значения швед. *ö*, уцелевшие в старых текстах и говорах ('низменная полоска /вытянутая в длину/ у воды', 'пойменный луг').

Г. Ф. Одинцов

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ С ОБОБЩЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ 'ОРУЖИЕ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Названия отдельных конкретных видов древнерусского оружия всегда интересовали не только языковедов, занимающихся исследованием лексики, но и археологов, историков культуры, литературоведов, оружейников, этнографов, фольклористов. Совсем иначе обстоит дело со словами, имеющими обобщенное значение 'оружие', непосредственно не связанными с миром вещей и представляющими интерес почти исключительно для историков лексики. По этой причине задача историко-лексикологического описания таких слов приобретает особую трудность. Кроме того, при своей непосредственной несвязанности с материальным миром вещей, такие слова очень показательны в плане выявления отдельных сторон духовной жизни в истории народа, его духовных контактов с другими народами и культурами.

Уже с самого начала письменной истории русского языка в текстах засвидетельствовано слово *оружие* (в разных графических вариантах — *орѣжше*, *ороужіе*, *орѣжше*, *ороужье*) — термин балто-славянского происхождения (ср. лит. *āpranga* 'снаряжение'¹): Нѣсть ороужіа ратьнааго. Изб. 1073 г.; Красота воинуу ороужіе и кораблѣ вѣтрила. Сбор. 1076 г. 2 (Срезневский II, 709).

В этих и подобных контекстах слово *оружие* выступает в значении 'вооружение, оружие', реже 'доспех', ср.: Мзи са доиска-

хомъ оружьемъ одиною стороною, рекоша саблами, а сихъ оружье обиду остро, рекше мечь. Пов. вр. л. (введ.); А некръщении Русь да полагають щиты свои и мечи свои нагъ, обручи свои и прочая оружья, и да клѣнуться... Дог. Иг. 945 г. (по Ип. сп.) (Срезневский II, 709²).

В таком значении термин известен и в других славянских языках (см. ниже), в том числе и старославянском — оружии ср. р., *Supr, Euch, Cloz* и т. д., 1) 'оружие, меч'; *μάχαιρα, ὄπλον*, 2) 'колесница'; *ἄρμα*; *curgus, quadriga* (SJS, вып. 23, 556—557; в этом втором значении в древнерусских текстах слово представлено только в переводах с греческого, по «Материалам...» И. И. Срезневского II, 710); мало того, древнерусское *оружие* считается церковнославянским заимствованием (Фасмер III, 154³) и, будучи таковым, по существу сохраняет на первых порах семантическую структуру старославянского слова: помимо значения 'оружие' и 'колесница', имеет также семантику 'меч', с течением времени постепенно утраченную: 1) съ оружіемъ рекше съ мечи или съ дрекольми въсхищеніе створить (Ряз. корм., 1284 г., л. 325 г. — Картотека СДР; в Остромировом евангелии 1056 г. «съ оружии — *μετὰ μάχαρῶν* — и дрекольми». Мө. XXVI. 55). В цитате из Рязанской кормчей союз «или» противопоставляет словоформы «оружіемъ» (но не «мечи») и «дрекольми», ср. типичное: съ оружии и съ дрѣкольми (Панд. Ник. Черн., 1296 г., л. 141 об.—142. — Картотека СДР), овии съ оружіемъ. а друзіи съ дреколіем (Ж. Леонт. Рост. XVI в. ~ XII в. 303—304. — Картотека ДРС); 2) встані въ помощь мою. ѳѳсѳни дрѣжіе (ἔχθεον ῥομφαίαν) и запри съпротивъ гонѣщихъ ма. Биол. Генн. 1499 г. Псал. XXXIV. 2—3. (Картотека ДРС), — где словом *оружие* переведено греческое название меча *ῥομφαία*, передаваемое в Хронике Георгия Амартола (XIII—XIV вв.) словами *оружие, мечь, копье*⁴.

Пожалуй, можно усматривать отражение старой семантики 'меч' в редком производном (отсутствующем у Срезневского, Кочина, Дювернуа и представленном только в рукописных словариках XVII в.) *оружьнице* 'кинжал, короткий меч': а сѣ имена оруж(ь)ицу, иже бываетъ при бедрѣ. яко же будіи, торчъ, корть, или сѣмъ подобная (Словарь кон. XVII в., л. 11 об.⁵).

Следует подчеркнуть, что в значении 'меч' или 'колесница' древнерусское слово *оружие* выступает лишь в книжно-славянских текстах XI—XV вв.; к XVI в. эта семантика словом *оружие* на русской почве утрачивается.

В переводных текстах *оружие* часто передавало греческое τὰ ὄπλα 'вооружение', например: преставъ ѿт оружиа (τῶν ὀπλῶν) нача мирити са съ подружники своими. Иос. Флав. Полон. Иерусал. I, 12. XVI в. ~ XI в. — Картотека ДРС.

Основная семантика слова *оружие*, с которой оно выступало в огромном большинстве текстов, как переводных, так и непереводных, была отвлеченной, неконкретной — 'оружие как такое'. Обобщенно-абстрактный характер семантики слова вряд ли

можно расценивать как признак его старославянского (или церковнославянского) происхождения. Напротив, на заимствованный характер термина как будто указывает отсутствие в русском языке слов, родственных этому существительному, но не производных от него, в противоположность, например, таким микрогруппам, как *кол* — *колоть*, *палка* — *палица* — *палец* и т. д., и в отличие от картины, которую мы наблюдаем, скажем, в болгарском, где сущ. *оръжие* 'оружие' имеет родственный ему глагол *ръгам* 'колю, сверлю' (Фасмер III, 154).

Дополнительный свет на условия появления, активизации употребления и утверждения термина в русском языке проливает его судьба в славянском мире. Ср. при редком укр. *оружья* (у Фасмера; отсутствует у Гринченко и в современных толковых словарях украинского языка) обычное укр. *зброя* (УРС II, 175), блр. *бронь* 'оружие', ст.-блр. также *броня* то же (с 1434 г. из польск. *broń*, *bronia*, которое зафиксировано уже в 1388 г.⁶), польск. *broń* и книжн. *oręż* (< **oręžьje*), значительно активнее первое, говорится: *broń ognista* 'огнестрельное оружие', не *oręż*; *stać pod brońa* (не *pod orężem*), *na ramie broń* и т. д.⁷, чеш. *zbraň*, *zbroj* 'оружие'⁸, ст.-слав. *оръжие* 'оружие, меч; колесница', болг. *оръжие* (Геров III, 383), макед. *оружје* 'оружие' (Конески II, 83), с.-хорв. *оружје* 'то же', словен. *oróžje*, *rožje* собират. 'оружие' (Pleteršnik I, 848; II, 441).

Как видим, старый славянский термин хорошо сохранился в языках православных славян, значительно утратил свои позиции у славян-католиков и протестантов, где рано утрачено влияние старославянского языка.

В известной мере сходная судьба пережита праславянским термином **корьје* 'копье', устойчивость которого в русском, белорусском и южнославянских языках, в противоположность его судьбе в западнославянских языках — польском, чешском, словацком, — где произошло изменение грамматического рода слова (среднего на женский) и возникли, не менее активные, чем польск. *korija* 'копье', чеш. *korí* то же, синонимы (польск. *włócznia*, чеш. *oštěp*), — объясняется поддержкой термина *копье* у православных славян старославянизмом коние — главным обозначением этого вида оружия в церковных текстах, обозначением, упоминаемым рядом с именем Христа. У неправославных славян термины, восходящие к **корьје*, такой поддержки не имели и были несколько оттеснены другими синонимами⁹.

Церковнославянское влияние на судьбу слова *оружие* в русском языке вполне естественно. После принятия христианства на Руси церковнославянские тексты распространялись очень активно и широко, а слово *оръжие* (и *орѣжие*) в этих текстах встречалось достаточно часто, включая и фигуральные употребления (например: велико оружје молитва. Изборник 1076 г., л. 228 об—229; оградивъста крьстьянѣмь оружиемь. ии. Феод. Печ., Усп. сб. XII в., л. 38 об; оружиѣ ста҃аго д҃ха. Изборник 1076 г., л. 107; оружје

не побѣдимое образъ хр^ѣта Х^ѣва. то есть оцѣства нашего вѣра. Ф. Студ., XIV в., 188 г.; сюда же фразеологизм *духовное оружие*. Ф. Студ., XIV в., л. 203 б, 210 г—211 а; Ж. Варл. Иос. XIV—XV вв., л. 71 б и т. д. — Картотека СДР.

В обращениях военачальников и духовных лиц к ратным людям перед битвой слово *оружие* также не могло не звучать; ср., например, послание митрополита Макария в Свияжск, к царскому войску: Слышите Пророка глаголюща: «аще не обратитесь, оружіе свое очиститъ на вы, и лукъ свой напряже. . . и аще не послушаете мене, оружіе вы поясть, и побѣгнете. . .» 1552 г.¹⁰

Любопытно, что в надписях на боевых русских знаменах XVI—XVII вв., сохранившихся в Оружейной палате, часто встречается слово *оружие*, как, например, на знамени «великом стяге» царя Ивана Грозного 1560 г. (экспонат № 3573), где изображена поверженная Иоанном Богословом змея и написано: «иже оружиемъ избіена сидящаго на кони»; на знамени городских солдат 1704 года читаем: «Гѣди десною твоєю рукою. . . оружіемъ мечѣ нечистивые сопостѣты побѣди» (экспонат № 3691) и т. д.¹¹.

Не приходится удивляться, что этот церковнославянизм с течением времени вошел в народную речь, в фольклор:

Повернулся Вольга сударь Буслаевич
Малым горносталюшком:
Зашел во горницу во ружейную;
И у оружей замочки повывертел,
В бочоночках порох перезалил

(Пес. Рыбн. 1, 5—8. — Картотека ДРС).

В плане освоения церковнославянизма *оружие* в русском языке во второй половине XVII в. любопытны факты отражения бытования этого слова в живой речи: «ажно бьет из оружия и ис пушек по нашему городу казачью» (Рус.-китайс. отн. в XVII в. I, 135. 1652 г.); «издали слазили с коней и оружие скинули» (Там же, 495. 1676 г.).

Ко времени заимствования слова *оружие* у восточных славян был исконный семантически тождественный ему термин *съсѣдъ* = *сосѣдъ* (и *сѣдъ*), многозначное слово, одно из значений которого Г. Е. Кочин справедливо определяет как 'оружие, орудие для боя'¹² и которое, будучи сложением общеславянского **sqdъ* с приставкой *съ-*, в значении 'оружие' известно только в древнерусском языке (Фасмер III, 728): 1) Аще ли оудари^т мече^х или оубье^т кацѣ^т ^тлюбо сосоудомъ, за то ѡдарение или бѣенье да вдасть лит^рь ^ѣсребра по закону Рускомѣ. Дог. Ол. 911 г. по Радз. сп.; 2) Или аще оудари^т мечемъ или копьемъ или кацѣмъ инымъ съсудо^т ^тРусинъ Грѣчина или Грѣчинъ Русина, да того дѣла грѣха заплатитъ серебра литрѣ ^ѣпо законѣ Рускому. Дог. Игор. 945 г. (Срезневский III, 834). В другом списке Договора Игоря с греками (945 г.) на месте словоформы *съсудомъ*(^т) фиксируется *оружьемъ*; благодаря этому факту, семантика слова *съсудъ* как

военного термина, определенная Г. Е. Кочиным, не вызывает сомнений: Ци аще оударить мечемъ или копьемъ или кацѣмъ любо ѡружьемъ Русинъ Гръчина или Гръчинъ Русина, да того дѣла грѣха заплатитъ сребра литръ ѣ по закону Рускому. (Срезневский II, 709). Любопытно, что в более раннем договоре, заключенном с греками в 911 г. Олегом, такой замены термина *съсудъ* на *оружье* И. И. Срезневский не фиксирует. В текстах обоих договоров *съсѣдъ* употребляется, как видим, в собственно деловой части, где оговаривается одно из условий мира между греками и восточными славянами. В клятвенно-торжественной части этих же договоров употребляется только слово *оружие*: 1) клѣншесѧ ѡружьемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвѣрдити по вѣрѣ и по закону нашему (Дог. Иг. 911 г.); 2) Иже помыслитъ ѡ страны Рускитѧ разрушити такую любовь... да не имуть помощи ѡ Ба, ни ѡ Перуна, да не оуцитатъсѧ щиты своими и да посѣчени будутъ мечи своими ѡ стрель и ѡ иного оружыя своего. Дог. Иг. 945 г.; 3) А некрѣщении Русь да полагають щиты свои и мечи свои нагы, ѡбручи свои и прочата ѡружыя, и да клѣнутьсѧ ѡ все^{мъ}, таже суть написана на харотыи сеи (Дог. Иг. 945 г. — по Ип. сп.).

В этих договорах слово *съсудъ* 'оружие', являясь исконным образованием, употребляется как обыденное, будничное, *оружие* же — как более подходящее для торжественных случаев, что хорошо согласуется с его церковнославянским происхождением.

С самого начала взаимодействия синонимов *оружие* и *съсудъ* второй из них становится если не редким, то далеко не часто встречаемым словом. Г. Е. Кочин отмечает 4 употребления военного термина *съсудъ* в Ипатьевской летописи¹³; приводим пример: (1249 г.): <Ростиславъ>. . . поиде к Перемьшлю. и собравъ твѣзьмьльцѣ многы. сосуды ратныи и градныи. и пороки. исполчивъ вои своа. Ипат. л. (Гал.-Вол.), ок. 1425 г., л. 269. При сплошной выборке материала на с. 12—796 из текста этой летописи по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962 — слово *съсудъ* (*сосудъ*) нам встретилось трижды, тогда как его синоним *оружье* (и *оружие*) — 43 раза.

Будучи восточнославянским семантическим новообразованием, слово *сосудъ* 'оружие' по мере активизации употребления церковнославянизма *оружие* становится в памятниках письменности все более редким, хотя и встречается не только в памятниках народно-литературных (Тверск. лет. 911 г. ПСРЛ XV, 1863, 41: *съсудъ*; Никон. лет. 1453 г. ПСРЛ XII, 1901, 84: *стѣннобитныа сосуды*; Воскресенск. лет. 1408 г. ПСРЛ VIII, 1859, 83: *съсуды градобійныи*; Львовск. лет. 911 г., полуустав XVI в. ПСРЛ XX, перв. пол., 1910, 48 (л. 62) — *судъ*: Аще ударить мечемъ, или бываетъ кацемъ убо судомъ, за то ударение или за биеие да вдасть литръ пять серебра. . .; Симеоновск. лет. 1376 г., полуустав перв. пол. XVI в. ПСРЛ XVIII, 1913, 118 (л. 222—222 об.): *ссуды*), — но и в книжно-славянских. В Истории Иудейской войны Иосифа Флавия (текст XI в. по списку XVI в.)¹⁴ слово *съсудъ* нам встре-

тилось 27 раз, тогда как его синоним *оружие* (и *оружье*) — 115 раз, причем чаще всего *съсудъ* употребляется в составе устойчивых словосочетаний, обозначающих стенобитные орудия (*съсуды ратные*, 285: дважды; 286, 296, 374, 381; 389; *съсуды градобичныя*, 320, 375; *градоемци съсуды*, 398; *съсуды стѣнобитныя*, *стѣнобичныя*, 301, 327, 361, 376, 389, 398, 424, 430), что как будто указывает косвенно, наряду с возникновением в XVI в. многовариантности термина (*сосудъ*, *судъ*, *ссудъ* — см. выше), на процесс архаизации термина.

Как отдельная лексема этот термин встречается в сугубо книжных текстах XV—XVI вв., например, в Пятикнижии Моисеевом XV в.: возми съ|сѣдъ свои тоуль ѿ ражанецъ ѿ изи|ди на поле ѿ оулови ми звѣрь. и съ|твори ми ѡдъ... Быт. VI¹⁵. Тот же термин представлен в списке этого же памятника XVI в.¹⁶

В XVII в. слово *сосудъ* 'оружие' вышло из употребления и могло использоваться в архаизированных текстах с целью их намеренной стилизации под старину, как, например, у Авраамия Палицына: На Терентиевской же рощи бе у них пищаль люта зело, зовама Трещера... Удариши по большой их пищали по Трещере и разбиши у неа зелейник. Тако же и от Святых ворот с красныя башни удариши по той же пищали и разбиши у неа устие. И видеша с Троицкого града сущи людие, благодариши бога, яко разруши злый той сосуд¹⁷.

На смену термину *съсудъ* в текстах народно-литературных и деловых, для которых слово *оружие* было менее характерно, чем для книжных, приходит слово *бой* 'оружие', которое можно, вероятно, считать семантической калькой с польского *broń* — первоначально 'спор, война, оборона', а с XIV в. — 'орудие войны, оружие' (Słownik prasłowiański I, 326—327), ср. ст.-слав. (Ev, Supr. Cloz etc.) *брань* ж. р. 'состязание, борьба, бой, битва'; *πόλεμος*, *πάλη*, *τα πολέμια*, *ἀνάστασις*; *bellum*, *proelium*, *colluctatio* (SJS 4, 140) и ст.-чеш. *braň*, *bran* ж. р. 'оружие' (Gebauer I, 92).

Русское *бой* 'оружие' известно лишь в текстах XVI—XVII вв., то есть в тот период, когда влияние польской лексики на русскую было особенно ощутимым. В связи с этим попутно обратим внимание на полонизм *бронь* 'оружие'¹⁸, известный также только в памятниках XVI и XVII вв. (в СлРЯ XVIII в., вып. 2, Л., 1985, 143—144, уже дается только его омоним *бронь*, *броня* 'панцирь, латы'): съ различными бронями, паче же мало не всѣ со стрелами, и уже на тетивахъ луковъ стрелы имуще (Курб. Ист., 201. XVII в. ~ XVI в.); *бронь* (пол.) — оружие. Алф.¹, 35. XVII в.; карабины, и пистолы, и мушкеты, и всякую бронь раздать всякимъ мастеровымъ людемъ... АИ IV, 265. 1658 г. — СлРЯ XI—XVII вв., в. 1, 338 с определением 'оружие'. Добавим к этому словосочетание *оружейная бронь*: Послано на двухъ подводахъ въ походъ... оружейная бронь, которая снесена отъ... великого государя изъ хоромъ въ Оружейную Палату сего же числа: знамя большое, обшито бахрамою золотою, съ дrevкомъ

и яблокомъ залоченымъ прорѣзнымъ, 11-ть протазановъ да олебардъ, 30-ть мушкетовъ нѣмецкихъ. . . Арх. бум. Петра I, 64¹⁹.

Ср. ст.-рус. производное *безбронный* 'безоружень'²⁰, сущ. *броня* 'ворота' (Алфавит XVII в.²¹) — из польск. *brona* то же, родственного слову *broń* 'оружие' (Sławski I, 43), далее ст.-блр. *бронь*, *броня* 'оружие' с 1434 г. — из ст.-польск. *broń*, *bronia* — с 1388 г. (Sł. społ. I, 164²²).

В деловой письменности *бои*, особенно в составе словосочетания (*в*)*огнен(н)ои бои*, определенно предпочитали слову *оружие* (-*ье*).

Так, в сборнике документов «Сношения России с Кавказом» (составил С. А. Белокуров. Вып. I. 1578—1613 гг. М., 1889, с. 1—310) *бой* 'оружие' в составе словосочетания *вогнении* (и *огнении*) *бой* встретилось нам 30 раз, *оружье* — только однажды. Здесь же встречается самое давнее известное нам употребление термина *бой* — в 1578 г.: «воеводу своего и людей съ огненымъ боемъ къ вамъ послали», с. 9, и ряд других употреблений, датируемых XVI веком. В сборнике деловых документов «Русско-монгольские отношения. 1607—1636» (М., 1959) *бой* 'оружие' встречается 36 раз, его синонимы — *оружие*, *оружье* и *ружье* 'оружие' — 19 раз: «каков у которых людей ратной бой», «а бой де у китайских у ратных людей пищали и пушки», «А бой де тех государств у ратных людей пищальные ж и лучные, и пушки есть» (с. 66. 1617 г.); «а бой. . . копейной» (с. 162. 1631 г.), «бой у мугальских. . . людей луки, копыя, сабли, а вогненого бою нет» (с. 286. 1635 г.) и т. д. В издании материалов и документов «Русско-китайские отношения в XVII веке» (т. I. М., 1969, с. 39—181) синоним *бой* встретился 47 раз, синонимы же *оружье*, *оружие*, *ружье* 'оружие', вместе взятые — 18 раз, причем есть контекст с заменой словосочетания *оружье огненное* на *бой огненной*: «А в Даурской земли на усть Зеи. . . теми людьми сестя не смеем, потому что тут Богдоева земля близко, и войско приходит на нас большое с огненным оружьем и с пушками и с мелким оружьем огненным. . . И летом по той реке. . . ходим, и тем иноземцев под государское величество призываем. . . А теми людьми. . . той земли овладеть не можно, потому что та земля многолюдна и бой огненной» (с. 138. 1652 г.).

Любопытны, кроме приведенных выше, терминологические словосочетания *лучной бой* (1641 г. ДАИ II, 251), *большой бой* 'артиллерия' и *огненной стройной бой* 'ручное (применяемое в строю) огнестрельное оружие', где в действительном *бой* четко выявляется значение 'оружие': И июня в 6 день тут нас встретила богдойская большая сила ратная со всяким огненным стройным боем, с пушки и пищали. . . И билися те богдойские люди из большево бою, из пушек и пищалей. . . по нашим судам. 1654 г.²³

Древнейшие употребления слова *съсудъ* 'оружие' (в договорах князей с греками, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях), бытование в деловой письменности слов *бой* 'оружие' в XVI—XVII вв. и *бронь* 'то же' в XVII в. свидетельствуют о том, что

в памятниках письменности, отражающих в большей мере живой русский язык, слово *оружие* употреблялось не столь широко, как в книжных текстах, что мы и связываем с церковнославянским происхождением термина *оружие*.

На историю взаимодействия синонимов *бой* и *оружие* (-ье) дополнительно проливают свет первоначальные употребления слова *бой* 'оружие' в текстах. Так, в статейном списке посольства С. Звенигородского, отправленного в 1589 г. в Грузию, в записи от 15 ноября сообщается, что грузинский царь Александр встретил послов с почетом; встречающих было «всего человекъ со сто» «с оружемъ, с щиты и з зерцалы и з булавою и с шестопером». Русские послы сказали Александру: «Раті у тебя по твоей земле полно, а к той раті пожалует тебя великий г. ц. и в. к. раті с вогненным боем, — и тебѣ. . . против своих недругов стояти мочно»²⁴.

Огнестрельное оружие здесь названо «вогненным боем», а холодное — словом *оружие*. Вероятно, начало широкого использования ручных пищалей — «ручниц» и «самопалов» (сами эти слова появляются в памятниках последней трети XVI в.) — вызвало к жизни и новый термин, противопоставленный на первых порах слову *оружие* и тем самым прежним представлениям об оружии: не случайно *бой* 'оружие' первоначально вне словосочетания (*вогненои бои*) не употреблялось. Такая маркированность обозначения огнестрельного оружия представлялась удобной. С течением времени нужда в этой маркированности отпала, слово *оружие* (-ье) стало нередко указывать на ручное огнестрельное оружие (И того ради кинулся ко оружию 148. — . . . *do strzelby*, т. е. 'до ружья'. — Хожд. Рад., между 1617 и 1628 г., по сп. 1695 г.²⁵; «оружие. Waren. Geweer. О.», т. е. русское *оружие* передается по-голландски как 'оружие, винтовка'²⁶; и солдатского купленного оружия двѣ винтовки да карабинѣ велѣлъ отдать съ тѣми жѣ мушкеты въ Могилевѣ. 1656 г.²⁷).

Об освоенности, большой активности и широкой употребительности термина *оружие* в русских текстах XVII в. можно судить по многочисленным упоминаниям самого термина и производных от него в словарях того времени, что подтверждается следующими выписками из двух рукописных словарей:

1) Лексикон пол.-словен. 1670 г.

Bez broní. Безорѹженъ, л. 10 об.

Giermek. Орѹженосецъ, л. 54.

Granat kostur. Палица орѹжіе крѹщаа. Жезль вѣтрорѹж-
ныи, л. 60.

Kirys. Брѹна всё тѣло ѡкривающаа. ѡрѹжіе все ѡкривлющее.
Всеорѹжіе. Кирисъ, л. 79 об.

Kirysnik. Брѹною воорѹженныи вѣишь, всеорѹжнѣк, всеобрѹныи,
л. 79 об.

Miecznik. со воі місече. Мечедѣлатель, орѹженикъ, л. 106.

Odeyuię komi bron. ѡймаю орѹжіе. Изорѹжаю, л. 159.

Raytar. Вѣишь воорѹженныи брѹною, л. 266 об.

Uzbroioný. Воорѹженъ, л. 373.

Zbroję żołnierza. Вооружаю, л. 450 об.

Zbrojownica. Орѣжница. Орѣжіехранилище, л. 450 об.

Zbrojny. Вооруженный, л. 450 об.

Zolnierz lekki. Воинъ лёгковооруженный, л. 467;

2) «Teutscher, und Reussischer Dictionarium» (Dictionarium Vindobonense) (кон. XVII в.)²⁸:

Brust wehr грудное оружіе, с. 107.

Endtwehren ружіе отнять, с. 153.

Ins gewehr въ оружіе, с. 227.

Gürte dein schw[er]t] auff deine seyte препояши оружіе свое по бѣдре, с. 241.

Kriegs Rüstung воинское (!) оружіе, с. 309.

Rüst zeug оружіе, с. 420.

Rüst Hauß ружевны дом[ъ], с. 420.

Rüstkam[m]ler ружевна хороміна, с. 420.

Stillstand остоновление оружіе (так! — Г. О.), с. 473.

Stillstandt d[er] waff[en] перемиря, унять оружіе, т. ж.

Einen stillstand Machen остоновление в оружіех[ъ] чинить, т. ж.

Waffen, Waffen оружить, оружіе, с. 597.

Wehre, gewähr оружіе, ружіе, с. 508.

Wehen, Wehre geben, Waffen оружить, ружіе дати, с. 608.

D[as] krigs Volck wehren воиско оружить, с. 608.

Wehrloß безруженъ, без[ъ] ружя, с. 609.

Приведем еще одно важное производное (непосредственно образованное от глагола *вооружити*) — *вооружение* ср. р., которое в значении 'оружие' считалось в древнерусских текстах XI—XVII вв. незасвидетельствованным (в СлРЯ XI—XVII вв. вып. 3, 23, это слово приводится в другом значении — 'действие по глг. *вооружити*'): пришелъ съ великимъ вооруженіемъ уготояся, съ верховымъ боемъ огненнымъ, и съ щитами и съ лѣсницами, и съ проломными ступями, къ воротамъ (Отписка царю троицких старцев. 1609 г.²⁹).

На базе сущ. *оружие* возникли устойчивые древнерусские словосочетания, включая и любопытные плеонастические *боевое оружие* (-ье) (АИ II, 165, 295. 1609 г.), *ратное оружие* (-ье) (АИ II, 324: 1609 г.; 353 : 1610 г., Уруслан Залазар. XVII в., л. 17³⁰; ДАИ II, 1846, 20 : 1613 г.), *ратнее оружие* (-ье) (ДАИ II, 21 : 1613 г.), *ратное боевое оружье* (АИ II, 269. 1609 г.), *воинское оружие* (1583 г. Римск. имп. д. 1, 1851, 902; 1611 г. Отп. тюменск. воеводы³¹; 1649 г.³²), *полное воинское оружие* (1650 г.³³), — ср. выше: *оружейная бронь*, *ратнои бои*; *крѣпчишише*, *логкое*, *тѣжбѣрное* и *тѣжкое ѡрѣжіе* (Лев Миротворец. 1700 г.³⁴), *огнен(н)ое оружие* (-ье) (Рус.-китайс. отн. I, 136, 138 : 1652 г.), *орѣжье дробное* (в орѣже^{но} полатке зати^{ныхъ} | пицале^и и мѣшкет^о и всакогѡ || орѣжыа дробнагѡ и знаменъ и пороху и сви^{цу} и тому все^{мъ} | в сихъ книгахъ записка... — Тихв. мон. 1700 г.³⁵, *мелкое оружие* (-ье) 'ручное оружие (в противоположность артиллерии)' (1619 г. — Рус.-китайс. отн. I, 81—83, 87; 1656 г. — Там же, 239), *всякое оружие* (1675 г. Рус.-китайс. отн. I, 477), *оружіе*

подвигнути 'начать военные действия' (1518 г. Римск. имп. д. I, 375, 387) = *оружіе обратити* (1517 г. Там же, 370), *оружіе* (-ье) *отложити* 'заключить перемирие' (1517 г. Римск. имп. д. I, 370; 1519 г. Там же, 469 и т. д.). Любопытно словосочетание *оружейное дело* 'оружие как предмет ремесленного производства' (Мишка Иванов, родом Шклова города мещанин. . . Живет в соседстве, делает оружейное дело. А иных промыслов и работников и долгу нет. Роспись, составленная в Земском приказе, белорусских ремесленников и торговых людей, живших в Москве. 1668 г.; Делают они ныне в Оружейной палате куюки (вид оборонительного доспеха. — Г. О.) и сабельную приделку и иные всякие оружейные дела. Память из Оружейной палаты. 1673 г.³⁶

Рассматриваемый термин представлен в двух графических формах — *оружіе* (с написанием через *и* после *ж*) и *оружье* (с написанием через *ь*) — уже в древнейших русских памятниках письменности. Количество употреблений этих форм, представленных в Картотеке СДР (по памятникам XI—XIV вв.), следующее: в народно-литературных и деловых памятниках *оружье* (разумеется, в разных падежах и числах) встречается 64 раза, а *оружіе* — 14 раз; в книжно-славянских же памятниках *оружье* — 134 раза, а *оружіе* — 129 раз. Следовательно, форма *оружье* употреблялась несколько чаще, чем *оружіе*, в разных памятниках письменности XI—XIV вв., отраженных в Картотеке СДР (198 случаев против 143: в подсчеты не включены лишь несколько повторений термина в одной и той же форме в пределах минимального контекста). В книжно-славянских памятниках письменности термин в обеих формах встречается значительно чаще, чем в памятниках народно-литературных и деловых, вместе взятых (263 случая против 78). Так как материалы Картотеки СДР отражают сплошное, а не выборочное расписывание текстов древнерусских памятников XI—XIV вв., то выполненные по ее данным подсчеты имеют определенный смысл, а именно: в древнерусском языке старшего периода рассматриваемый нами церковнославянизм имел две формы — *оружіе* и *оружье* — из которых вторая, хотя и чаще всего, но не всегда встречалась в книжных контекстах, и в известной мере преобладала над первой, несколько более книжной формой. Учитывая это и то, что принципиального различия между этими формами не было (справедливо у Срезневского II, 709, в заголовочной части словарной статьи дается только форма *оружіе*, а в иллюстративных примерах каждая из форм представлена в десяти употреблениях), мы вправе заключить, что старославянизм в восточнославянской огласовке *оружье* (и *оружіе*) уже в древнейший период истории русского языка был достаточно хорошо освоен, являясь особенно характерным для книжных текстов.

В какой-то мере более книжной была форма с написанием через *и*, ввиду того что исключительно только она встречается в старославянских текстах (в SJS, 23, 556—557, дана только форма *оружіе*) и в особенно близких к ним древнерусских богослужеб-

ных книгах, как евангелие-апракос Мстислава Великого (к. XI—н. XII в.; 7 раз, например: М. XIV. 43, л. 114 в, Мт. XXVI 47, л. 143 в, И. XVIII. 3, л. 149 в, Л. II, 35, л. 190 б³⁷), а также евангелие-апракос по сп. XIII в., хранящееся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: Фп. I. 9; лл. 91 об., 125 об. — 2 раза, 126, 156 об.).

Чаще же всего в книжных текстах XI—XIV вв. имеются обе формы, начиная с древнейших употреблений — с Изборника 1076 г. (л. 239 об. — 240; 254—255: *оружъѣ*; л. 2—2 об., 216 об., 229—229 об.: *оружие*). Аналогично в Рязанской Кормчей 1284 г. (л. 5а, 325, 327б — форма на *-иѣ*; л. 253 г — обе формы), в Хронике Георгия Амартола (сп. XIII—XIV вв.), где форма на *-иѣ* встречается 13 раз (л. 81б, 93а, 94а, 120в—г, 126а, 128г—129а, 130г — 2 раза, 166г—167а, 204г — 2 раза), а на *-ѣ* — 18 раз (л. 81г — трижды, 89в, 120г, 128в—г — 2 раза, 161б—в, 166г — 167а — 2 раза, 169а, 180в, 187в, 204б, 210б—в, 235г, 249в, 250б), в Прологе 1383 г. (лл. 35б, 43в—43г — 2 раза, 64б, 89а — 2 раза, 89г—90а — *оружие*; л. 112г — 2 раза, 118г, 119б, 123в—123г — форма на *-ѣ*), обе формы есть также в Пчеле (к. XIV в.; Семенов, 234: л. 76 об. — *шроужье*; однако здесь явно преобладает форма на *-иѣ*: Семенов, 39—40, 130, 137, 152, 162—163, 198, 293—294, 352—353, 380—381, 395—396: л. 13 об., 42 об., 45, 46 об., 53 об. — 2 раза, 65, 86 об., 111 об., 120 об., 125 об.); в Палее 1406 г. форма на *-иѣ* встречается 14 раз (л. 37—38, 53в—г, 133а—б, 155б—в, 160а, 162а, 176а—б, 186а, 188в — 2 раза, 188г, 192г, 193б—в), форма на *-ѣ* — 10 раз (40в—г, 77а—б, 103в, 125а—б, 131а — 3 раза, 146в, 188г, 190а) и т. д.

Сравнивая данные наиболее крупных из этих памятников, мы можем заметить тенденцию неуклонного возрастания употребления форм на *-иѣ* с XIII по начало XV в.

В древнейших деловых памятниках письменности также имеем обе формы с преобладанием формы на *-иѣ*: *оружьемь*. Грам. Яросл. Влад. 1 в, ок. 1195 г.; *шроужье*. Дух. нов. Обнорский, № 16; форма на *-иѣ* — в Русской Правде по сп. 1282 г. (л. 618а: аче кто конь погоубить или оружие или портъ... за шблду платити ѣмоу г. гр^нны.), а также по Академическому списку XV в., л. 50 (Греков, 70—71); в Мусин-Пушкинском списке XIV в., 7, здесь *оружье*. Ср. еще употребление термина в договорах Олега и Игоря с греками в X в.

В летописях картина пестрая. В Лаврентьевской летописи встречается (29 раз) только форма на *-ѣ*: л. 11 (945 г.), л. 13 об., 13 об. — 14, 14 — дважды, 14 об. (945 г.), 21 об. (971 г.), 42 об. (992 г.), 46 об. (1015 г.), 50 (1022 г.), 50 об. (1024 г.), 55 об. (1065 г.), 57 об. (1068 г.), 59 — 59 об. (1071 г.) — 2 раза, 71 об. (1091 г.), 75 об. — 76 (1095 г.), 78 об. (1096 г.) — 2 раза, 80 об. (1096 г.), 107 (1149 г.), 119 об. (1169 г.), 132 об. (1185 г.), 146 об. (1377 г.), 161 (1237 г.), 168 об. (1263 г.) — 2 раза, 197 (1298 г.).

В Повгородской же 1-ой летописи (по Синодальному харатей-

ному сп. XIII—XV вв.) встречается (10 раз) только форма на *-ше*: л. 17 (1136 г.), 29 об. — 30 (1157 г.), 87 об. (1217 г.), 89 об. (1218 г.), 93 (1220 г.), 106 об. (1228 г.), 141 об. (1265 г.), 145 (1268 г.), 145—145 об. (1268 г.), 149 об. (1270 г.).

Только ли различием школ можно объяснить, что если в Ипатьевской летописи (ок. 1425 г.) форма *оружье* преобладает над формой *оружие* (41 употребление против 2 при сплошной выборке материала из издания ПСРЛ II, 1962, 12—796), то в Московском летописном своде конца XV в. (по спискам XVI в. ПСРЛ, XXV) встречается почти исключительно форма *оружие*?

Может быть, свою роль здесь сыграл фактор времени: через сто лет после написания Ипатьевской летописи форма *оружие*, по-видимому, стала более активной в употреблении, особенно в центре Русского государства, что и получило в таком случае отражение в Московском летописном своде по сп. XVI в., как и в списке XVI в. Истории иудейской войны Иосифа Флавия, где форма с написанием через *и* встречается 115 раз, а форма с написанием через *ь* — 1 раз. Но еще до этого, в памятниках XIV—XV вв., форма *оружие* окончательно возобладала в церковно-книжных текстах (примеры приведены выше), откуда это преобладание перешло на письменность других жанров, не исключая и деловых памятников, хотя их это коснулось в последнюю очередь, где слову *оружие* в XVI—XVII вв., как мы выяснили, здесь хорошо противостоял народный синоним *бой*, а также отчасти полонизм *броня* и, наконец, форма *оружье* с несколько менее книжным оттенком, особенно в тех случаях, когда в ней ударным было окончание (о чем см. ниже). Примеры: 1) прислати на помочь людей, и оружья, и зелья ('пороха'. — Г. О.) и свинцу. Отп. приказчика Осинск-острога соликамскому воеводе. 1616 г.³⁸; 2) и въ томъ погребѣ у Ондрѣя, и у Петра, и у Ивана вопчей порохъ и свинець и оружье вопчее. 1629—1639 гг.³⁹; 3) а у него гдрева бр[у]жыя пицал казенная, за[м]окъ рускои двупр[у]жинной | бердышъ голова пороховата (Переписная книга оружия сумских стрельцов, составленная Лаврентьевым. 1682 г.⁴⁰).

В XVI—XVII вв. *оружие* и *оружье* часто употреблялись уже как тождественные по семантике и стилистической окраске; ср.: 1) и у тѣхъ бы людей. . . никакого ратного оружїя не было; да созвавъ ихъ всѣхъ лутчихъ людей, то имъ сказати и заповѣдь учинити, чтобъ у нихъ ни у какого человекѣ ратного оружья не было. . . (Наказная память Шуйскому и Оболенским. 1563 г.⁴¹); 2) говорили есте намъ, что великій государь. . . Жигимонту королю оружье отлагаетъ на время, на колко в. государь оружїе отлагаетъ? (1519 г.⁴²); 3) по воро[там] пушки и мелкое оружие. 1619 г. (И. Петлин. Роспись Китайск. госуд.-ва и монг. земель. — Рус.-китайск. отн. I, 82); а пушки коротки; и мелкого оружья много (1619 г. Тот же документ. — Там же, 87); 4) И у которых у них, богдойских людей, у лутчих витинов, огнено оружие было,

и тех людей мы побили и оружие у них взяли (1652 г. — Рус.-китайск. отн. I, 136).

Эти факты означают, что форма *оружие* в XVI—XVII вв. завоевывает все новые позиции в деловой письменности. Любопытно утверждение этого слова, и именно в форме на *-иѣ* в специальной военной литературе.

В старопечатной книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (М., 1647 г.) форма с написанием через *и* встречается приблизительно 56 раз, форма на *-ѣ* — 101 раз, по подсчетам В. К. Чичагова. Через столетия в уставе Адама Вейде «О военном обучении и обязанностях воинских чинов» (1698 г. — Рукоп. БАН, Петр. гал., № 3) и в «Воинской книге» Льва Миротворца (пер. с лат.), изданной 1 янв. 1700 г. в Амстердаме, форма *оружье* отсутствует, встречается же (у Льва Миротворца 56 раз) лишь форма на *-иѣ* (у Вейде, кроме того, встречается изредка форма *ружьѣ*).

Динамика роста (во второй половине XVII в.) военно-терминологического употребления слова *оружие* объясняет тот факт, что в XVIII в. на смену словосочетанию (*в*)*огнен(н)ои бои* приходит составной термин *огнестрельное оружие*, появление которого было подготовлено такими терминами, как *орѣдїѣ огнестрѣль<ь>ное 'ружьѣ'* (Лекс. полоно-словен. М., 1670 г. ЦГАДА, ф. 381, № 1792, л. 64 об.), синоним *бой 'оружие'* окончательно исчезает: «Отсюда произошло огнестрѣльное оружіѣ; загрѣмели полки и городскїѣ стѣны, и изъ рукъ человѣческихъ смертоносная молнїѣ блеснула!» (1751 г.⁴³).

В середине XVIII в. появляется и другой составной термин — *холодное оружие*: «Всякого звания людей. . . никого не выпускать. . . нестроевых. . . вооружа косами, топорами и прочим холодным оружьѣм»⁴⁴.

Как известно, из древнерусского (точнее старорусского) сущ. *оружье* возникло в результате отпадения начального гласного слово *ружьѣ* — первоначально 'оружие', а с середины XVIII в. 'ружьѣ' (Преображенский II, 222; Фасмер III, 514⁴⁵); в плане семантической типологии обратим внимание на нем. *das Gewehr* 'ружьѣ; винтовка'; (реже) 'оружие'.

Случаи наиболее раннего употребления сущ. *ружьѣ*: Заруцкой нас. . . переграбил до-нага, лошеди и ружье и платя и деньженка все пограбил. Челобитная казаков. 1613 г.; нам, государь, дать нѣчево; взять нѣгде, живучи на твоей царьск(кой) службе, кони и ружье испробѣли. Челобитная. 1613 г.⁴⁶; октября. . . в 21 день. . . всяким людем быти с ружьем. РМО. 1620 г.⁴⁷.

В. К. Чичагов, ставя вопрос о происхождении слова *ружьѣ*, полагает, что оно возникло из «народной» (мы бы сказали: наиболее ассимилированной в разговорно-бытовой речи) формы *оружьѣ*, преобладающей с таким ударением и написанием через *ѣ* в «Учении и хитрости пехотного строя ратных людей», 1647, и исключи-

тельно представленной, например, в «Уложении» царя Алексея Михайловича, 1649. Это справедливо.

В качестве явления, обусловившего отпадение начального гласного в русском *оружьѣ*, В. К. Чичагов называет аканье, ясно указывая на конкретные условия, в которых происходило такое отпадение: «В акающих говорах, в отличие от северных, существует явление отпадения начального «о» (его заместителей). Это отпадение наблюдается обычно тогда, когда начальный гласный находится не в первом слоге до ударения и не является живым словообразовательным элементом»⁴⁸.

Скорее всего отпадение начального гласного в русском слове *оружьѣ* происходило действительно в условиях аканья, потому что слово *ружье* в наших памятниках до начала аканья в русском языке не зафиксировано.

Вместе с тем мотивы отпадения начального гласного в *оружьѣ* в условиях аканья, отмеченные В. К. Чичаговым, мало продвигают вопрос об истинных причинах отпадения начального гласного в этом слове, потому что точно такое же отпадение этого гласного в славянских продолжениях праславянского **orǫžьje*, на что не обратил внимания В. К. Чичагов, произошло в языках, не переживавших аканья: ср. укр. *ружйна* 'ружье' (см.: Преображенский II, 222), древнее славянское *рѣжние*, ср. р. *ρομφαία*, *gladius* (Miklosich LP, 815, со ссылкой на XIII слов Григория Назианзина, по списку XI в., хранящемуся в Публичной библиотеке), далее болг. *ръже* (в народной песне: Геров V, 101), также *руже*⁴⁹ — оба в значении 'оружие' при главном варианте этого болгарского термина *орѣжие*, словен. *rožje* = *oróžje*, собират. 'оружие' (Pleteršnik I, 848; II, 441).

Если считать, что рус. *ружье* возникло из *оружье* главным образом благодаря аканью, то тогда надо выдвигать другие причины отпадения начального гласного в том же самом славянском слове в других, не знавших аканья или мало развивших его славянских языках, что малоправдоподобно.

Конечно, аканье облегчило отпадение начального гласного в русском *оружье*, но сама причина этого отпадения (или условие, общее для названных выше славянских языков) остается неясной; можно лишь предположить, что на появление южнославянских форм термина без начальной гласной *о* мог повлиять родственный глагол типа болг. *рѣгам* 'колоть, сверлить' (Младенов ЕПР 387); ср. также наличие литовских глаголов *reñgtis*, *rengiuos* 'снаряжаться', считающихся родственными славянскому **orǫžьje* (Фасмер III, 154); во всяком случае представляется целесообразным признать значительно более ранним факт отпадения начального гласного у рассматриваемого термина в южнославянских и украинском языках, чем в русском.

Для полноты картины отметим, что с ударением на окончании употреблялась довольно широко не только старорусская фонетическая форма *оружье*, но и форма *оружие*. Например, только такая форма *орѣжїѣ* встретилась нам на листах 1—196 Хроники Малалы

(нач. XVI в.⁵⁰) в 15 случаях (л. 33 об., 40, 51, 52, 62 об., 63 об., 74 — 2 раза, 74 об., 117, 126 об., 130, 136, 140 об., 152), кроме того, в трех случаях слово дано без ударения, с ударением же *орѹжїе* формы нет.

В другом памятнике XVI в. — Пятикнижии Моисеевом — форма *орѹжїе* с ударением на окончании нам встретилась 10 раз при отсутствии форм *орѹжье* или *орѹжие* (л. 18—18 об., 34, 37 об., 113 об., 172, 380, 387, 387 об., 388, 426, 477 об.⁵¹).

Форма *орѹжїе* встречается и в Великих Четьях Миняях, собранных митрополитом Макарием (в сп. XVI в.) (Апр. 22—30. 1010.—Картотека ДРС): *зѹбы их — ѿрѹжїе* и *стрѣлы, языкъ их — мечъ ѿстръ*, — а также в Библии 1581 года издания. (Кн. Бытия Моисеевы, кн. I, гл. 34: *оусѣкиѹста острїемъ орѹжїа*⁵²).

В памятниках XVII в. слово *оружие* (с *и* после *ж*) встречается с ударением на окончании сравнительно редко (16 раз в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» при 101 случае с ударением на окончании формы *оружье*). В текстах XVI в. форму *оружье* в широком употреблении не отмечают.

Вероятно, временное перемещение ударения на окончание произошло (возможно, под влиянием слова *копье*, *копие*) первоначально у термина *оружие* именно в форме на *-ие*, а позднее захватило и форму на *-ье*.

Из реально существовавшей формы *оружие* произошла сравнительно редкая (ее до сих пор не отмечали в исследованиях) форма *ружие* 'оружие', которую мы уже приводили и которая неоднократно встречается в Венском немецко-русском словаре конца XVII в.

Описанная здесь кратко история слова *оружие* и его синонимов в русском языке XI—XVII вв. подтверждает известное, хотя иногда и оспариваемое мнение о его старославянском (церковнославянском) происхождении, в отличие от исконного *ружье* (< *оружье*); форма же *оружье* оказалась менее устойчивой, чем вариант *оружие*, хотя поддерживалась им довольно активно; в ряде случаев, особенно в древнейший период письменной истории русского языка, она могла быть вторичной, восходящей к варианту *оружие*; к новому времени она в подавляющем большинстве случаев перешла в формы *ружье* и *оружие*.

Примечания

¹ *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975, 45.

² См. также: *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937, 220—221, — где термин дается без толкования, как семантически тождественный современному слову *оружие*.

³ См. также: *Львов А. С.* Лексика «Новости временных лет». М., 1975, 289—290.

⁴ *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I. Пг., 1920, 115, 118, 132. Т. III. Л., 1930, 165. В этом томе в славянско-греческом словаре (стр. 277) показано, что словом

- оружие в данном памятнике письменности переводятся греческие *ἄρμα, μάχηρα, ἕϊφος, ἔπλον, ῥομφαία, σίδηρος, σκεῦη*.
- ⁵ Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Q. XVI. 6.
- ⁶ Булыко А. Влияние польского языка на развитие старобелорусской вленной лексики. — RS XL, cz. 1, 1980, 49.
- ⁷ *Krasniński A. S. Słownik synonimów polskich. T. I. W Krakowie, 1885, 32—33.*
- ⁸ *Mazarykúv slovník naučný. Díl VII. Pr., 1933, 957; Краткий словарь шести славянских языков / Под ред. Ф. Миклошича. СПб.; Wien. 1885, 455.*
- ⁹ См. подробнее: *Одинцов Г. Ф.* К истории древнейших русских названий коня. — В кн.: *Этимология. 1977. М., 1979, 114—115, 117.*
- ¹⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841, 289.
- ¹¹ *Яковлев Л.* Русские старинные знамена. М., 1865, 8, 15, 52.
- ¹² *Кочин Г. Е.* Указ. соч., 335.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
- ¹⁵ *Пятикнижие Моисея.* Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Кпр.-Е., 3/8, XV в., л. 64. Ср. употребление термина *съсудъ* в том же контексте в Палее 1406 г., л. 75а. — Картотека СДР.
- ¹⁶ *Пятикнижие Моисея.* — Там же. Шифр: F.I.1, л. 69 об.
- ¹⁷ *Сказание Авраамия Палицына.* М.; Л., 1955, 151.
- ¹⁸ *Chodurska H.* (Рец. на:) *Kochman St.* Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII wieku. Warszawa, Wrocław, 1975—1976. — *Russian Linguistics*, vol. 3, № 1, 1976.
- ¹⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I. М., 1872, 64.
- ²⁰ Лексикон полодно-словенский. М., 1670 г. — ЦГАДА, ф. 381, Синодальная типография, № 1792, л. 10 об.
- ²¹ Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Q.XVI.4, л. 49.
- ²² *Булыко А.* Влияние польского языка. . . — RS XL, cz. 1, 1980, 49.
- ²³ Русско-китайские отношения в XVII в.: Сборник документов. Т. I. М., 1969, 193.
- ²⁴ *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. I. М., 1889, 172.
- ²⁵ Похождение в Землю Святую князя Радвила Сиротки 1582—1584. — Изв. РГО, т. 15. СПб., 1879 (перев. с польского изд. 1617 г.), 170.
- ²⁶ Русско-голландский словарь. Нач. XVIII в. — ЦГАДА, ф. 381, № 1018, л. 54.
- ²⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. СПб., 1861, 532.
- ²⁸ *Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch (Cod. conv. FF. Minorum Vindobonensis XVI).* Herausgegeben und eingeleitet von Gerhard Birkfellner. В., 1983.
- ²⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841, 287.
- ³⁰ Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залазаревиче. XVII в. 52 лл. — Рукопись ГПБ им. В. И. Ленина, ф. 310, Ундольского, № 930.
- ³¹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. М.; Л., 1941, 221.
- ³² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. . . Т. III. СПб., 1861, 408.
- ³³ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в 3 томах. Т. II. М., 1953, 361.
- ³⁴ Краткое собрание Льва Миротворца, августейшего греч. кесаря, показующее дел воинских обучение / От латинского языка на славяно-русский достоверно преведено; по указу. . . царя государя и великаго князя Петра Алексеевича. . . Напечатана в Амстердаме, в лето от воплощения бога слова 1700, месяца генваря в 1 день в друкарне Ивана Андреева Тесинга. Anno 1700, 82--85.

- ³⁵ Книги переписные монастырского оружия Тихвинского монастыря. 1700 г. — Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 132, Тихв. мон., оп. 2, № 843, л. 2 об.
- ³⁶ Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667—1686 гг.): Сборник документов. Минск, 1972, 19, 135.
- ³⁷ Апракос Мстислава Великого / Подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983, 161, 195, 202, 255.
- ³⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л., 1936, 155.
- ³⁹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1846, 111.
- ⁴⁰ ЦГАДА, фонд 1201, Соловецкий монастырь, оп. 4, № 949, л. 4.
- ⁴¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1841, 325.
- ⁴² Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т. I. СПб., 1851, 461.
- ⁴³ Ломоносов М. В. Сочинения. Т. I. СПб., 1757, 258. — Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленинград).
- ⁴⁴ Масловский Д. Ф. Материалы к истории России. М., 1889, 17.
- ⁴⁵ См. также: *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, 91—93; *Чичагов В. К.* О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова «ружьё». — Учен. зап. МГУ, № 150, М., 1952, 283—299.
- ⁴⁶ Первые месяцы царствования Михаила Феодоровича. (Столбцы печатного приказа). М., 1915, 6, 89.
- ⁴⁷ Русско-монгольские отношения 1607—1636: Сборник документов. М., 1959, 107.
- ⁴⁸ *Чичагов В. К.* Указ. соч., 293.
- ⁴⁹ Краткий словарь шести славянских языков / Под ред. Ф. Миклошича. СПб.; Wien, 1885, 455.
- ⁵⁰ Хроника Малалы. Кон. XV—нач. XVI в. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр: Погод. 1437.
- ⁵¹ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. XVI в. Шифр: F.I.1. 490 лл.
- ⁵² Библия. Острог, 12 августа 1581 г.

И. Кноблах*

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ И ТРАНСИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

В последнее десятилетие среди лингвистов наметился интерес к языку женщин. Приведем лишь один пример из работы М. Ягелло «Женские слова»: «Мужчины и женщины распределяют между собой сферы, по поводу которых осуществляется высказывание. Формулы заклинаний, употребляемые одними, являются запретными для других. Женщины не должны ни пользоваться заклинательными формулами мужчин, ни даже знать их под угрозой сделать эти формулы недейственными или даже пагубными, и наоборот»¹.

Ниже я хочу показать, что у индоевропейцев женщинам также был знаком риск нарушения лингвистических запретов. Из

* © I. Knobloch, 1988 г.